

Книга о рукописных богатствах Древней Руси.¹

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР выпустил в свет книгу Н.Н. Розова, главного библиотекаря Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Н.Е. Салтыкова-Щедрина. Видный палеограф, знаток древних рукописей, решил рассказать о наших книжных сокровищах "просто, не украшающие речи" тем, кто никогда не видел рукописей или знает о них только понаслышке. Его цель — не поведать о раскрытых и нераскрытых тайнах прошлого, а поделиться своим опытом каждодневной, незаметной работы "рукописника", который ищет свои подходы и пути к науке. Основным методом изучения рукописной книги Н.Н. Розов считает "соединение... искусствоведческого и филологического изучения, рассмотрение рукописной книги как продукта синтеза словесного и изобразительного искусства..." (стр. 6). За изложенным на 7 печатных листах материалом стоят многие годы кропотливого труда археографа, каждодневно собиравшего свидетельства о древних книжниках, библиотеках и скрипториях, о первых русских собирателях и книголюбях.

Рецензируемая книга состоит из "Предисловия" и II небольших этюдов. В каждом из них видно стремление автора так рассказать о старинных книгах, чтобы не только описать их внешний вид и историю, а попытаться передать их "голос" — "живой, образный и сочный язык наших далеких предков" (стр. 6). "Древнейшая русская овиблиофика", "Загадки и судьба старейшей русской книги",

---

1. Н.Н. Розов. Русская рукописная книга. Этюды и характеристика. Изд-во "Наука" ЛО. Л., 1971. 124 стр. (Академия наук СССР. Институт русской литературы. (Пушкинский Дом) АН СССР).

"Путята цьсел, да че криво — да и справите, а не кляните", "Книжное рукоделие в дѣбрых северной Руси", "Самая северная древнерусская библиотека", "Некануны книгопечатанне", "Гиганты рукописной книжности второй половины ХУІ в.", "Книгописание в ХУІІ в.", "Рукописная книга после реформы Петра I", "Рукописная книга прошлого сегодня" — таковы заголовки разделов книги, написанных интересно, мастерски. Не будем говорить о таких аспектах истории рукописной книги, которые здесь не затронуты — общий объём и содержание древнерусской письменности, общий очерк истории древнерусских библиотек, раскрытие соотношений "читательского вкуса" и "писательских устремлений" Древней Руси и т.п.¹ Это дело будущего, когда будет собран достаточный материал. Автор вправе ограничиться рассмотрением лишь некоторых вопросов истории рукописной книги на конкретных примерах. В центре внимания Н.Н. Розова древнейшие из сохранившихся русских книг (Изборник 1076 г., Остромирово евангелие, Путятиня шинея), библиотеки Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастыря и их создатели, Великие Минеи-Четыи и их редактор митрополит Макарий, Лицевой летописный свод середины ХУІ в., образцы книжного искусства ХУІІ в. Троице-Сергиева монастыря и Посольского приказа, "Изделия" старообрядческих и народных мастеров, сборники древнерусской традиции ХУІІ — ХІХ вв. из собрания А.А. Титова и т.п. Последние страницы книги посвящены современным собирателям рукописей и писателям, обращающимся к рукописной книжности как к источнику. В результате, история и судьба рукописной книги предстает во всем своем тематическом и художественном своеобразии.

Н.Н. Розов раскрывает особые, свойственные лишь древнерусской рукописной книге качества: "Во-первых, это — избирательность

---

¹ Такого рода книга уже вышла в свет: см. В. Слуховский Библиотечно-дело в России до ХУІІІ века. Из истории книжного просвещения

репертуара, способность реагировать на изменения в жизни и сознании тех, кто её создавал и читал. Во-вторых, и это едва ли не главное, рукописная книга является синтезом древнерусского словесного и изобразительного искусства. Она аккумулировала духовную жизнь нашего народа, его познавательные интересы и художественные потребности во всем их разнообразии на протяжении почти тысячелетия". (см. заключительные страницы книги 121-122). Со всем этим не возможно не согласиться, как не возможно не поддержать намерение автора рассказать в доступной для широкого читателя манере о "книжном искусстве" наших далеких предков. Вместе с тем, мы полагаем, что "популярность" не означает "приблизительность", популярность изложения должна всегда сочетаться с высокой научностью, требовательностью к себе и стремлением к историко-филологической точности.

"Современные издатели Изборника 1076 г.", — пишет Н.Н. Розов, — проделали большую работу по розыску греческих оригиналов этих произведений, но нашли их только к половине статей. Весьма вероятно, что другая половина принадлежит его составителю, который, конечно больше компилировал, чем сочинял, но делал это обнаруживая большую эрудицию". (стр.20). Для такого заключения, на наш взгляд, не имеется достаточных данных. Все статьи Изборника 1076 г. так или иначе принадлежат греко-болгарской письменной традиции, а дьякон Иоанн, в лучшем случае, лишь стилистически переиначивал (см. Слово о Нифонте из жития Нифонта) и редактировал традиционные тексты, приспособивая болгарский язык используемых памятников к русскому языку.¹ Не исключено также предположение о

1. Об источниках Изборника подробнее см.:

Ред. на
 Дужев I,
 кн.: Изборник 1076 года. Издание подготовили В.С. Гольштенко,
 В.Ф. Дубровин, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. АН СССР. Инсти-
 тут русского языка. М., 1965. 1092 стр. 32 или —

«Anzeiger
 für slavische Philologie», Bd. 5. Wiesbaden, 1966, S. 188-195;

том что дьякон Иоанн сделал копию с уже готового сборника существовавшего в болгарской и русской письменности ранее, т.е. до 1076г.¹

На стр. 42 рецензируемой книги "Повесть о мутьянском воеводе Дракуле" отнесена Н.Н. Розовым к "памятникам переводной зарубежной литературы". Между тем, она написана в 80-ые гг. XV в. русским автором (может быть, Ф.В. Курицыным) на известный международный сюжет.²

M. Tidskrifts. Venäläsenä pidetty opetuskokousma "Sbornik Svjatoslava 1076 goda". - "Logos", vol 14. Helsinki, 1963, s. 23-30.

Не отыскана еще греческие источники и параллели для следующих статей Изборника 1076 г. "Слово нѣко~~го~~ [калоу]гера о чь [тѣмни] книгъ" (лл. I-4об.) "Слово нѣко~~го~~ отца къ сыноу сво~~му~~ словеса доушепользна~~а~~" (лл. 4об.-24) "Съборъ отъ многъ отецъ и апостолъ и пророкъ"... (лл. 228-229об.) "святая Генадия", (лл. 229об.-230) "Москы[†] Смитѣнина" (лл. 244об.-246)

1. Не подкрепляют точку зрения автора и текстологические выкладки, приведенные в другой работе (см. Н.Н. Розов. Кто, что и как писал в Древней Руси - Вопросы истории, 1969, № 2, стр. 208-214). Из них следует, что "Слово нѣко~~го~~ калугера..." кем-то составлено на основе цитат из Псалтыри, и вовсе не следует, что этим компилятором был дьякон Иоанн. Последний мог просто переписать уже кем-то ранее составленное произведение.
2. Таково мнение последнего исследователя "Повести" Я.С. Дурье (см.: Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я.С. Дурье. Изд-во "Наука". М.-Л., 1964).

"Кого еще, кроме себя самого культурно просвещал Евфросин, остается неизвестным", — утверждается на стр. 43 рецензируемого издания. Ответ, однако, напрашивается сам собой: Евфросин просвещал своих читателей, среди которых первыми были иноки Кирилло-Белозерского монастыря, где рукопись постоянно хранилась.

Третий по времени игумен Соловецкого монастыря Досифей действительно вложил большой вклад в создание Соловецкой библиотеки: им пожертвовано не 29, а как недавно выяснилось около 50 книг.¹ Тем не менее, вряд ли стоит столь категорически утверждать, что Досифей был её основателем (стр. 46). Согласно последним появившимся после выходе в свет книги Розова разысканиям М.В. Кукушкиной, еще до Досифея в монастырской библиотеке находилось до двух десятков преимущественно богослужебных книг, чье поступление в библиотеку связано с именами основателей обители Зосимы и Савватия.²

Значение деятельности новгородских книжников в конце XV в. по собиранию библейских книг в единый корпус отнюдь не было бы умелено, если бы автор книги яснее изложил бы историю книг Священного писания на Руси до Новгородского архиепископа Геннадия. В широком употреблении и не только при богослужении были все Книги Священного писания (кроме книг Маккавейских), переведенные на славянский язык в первый раз в IX в. Мефодием, архиепископом Моравии, и его учениками и во второй раз в X в. иноком Григорием при царе Симеоне Болгарском.

1. М.В. Кукушкина. Опись библиотеки Соловецкого монастыря XVI в. — Археографический ежегодник за 1970 год. М. 1971, стр. 857—867.

2. Там же.

На стр. 59 книги весьма приблизительно охарактеризованы источники Лицевого свода: на т. I-II повлияли не византийские хроники Константина Манассии и Георгия Амартола, в Русский Хронограф 1512 г., Еллинский летописец 2-го вида и перевод "Истории Тром" Гвидо де Колуяна; они не пересказываются, а дословно цитируются в Лицевом своде¹.

На стр. 60-61 Н.Н. Розов рассказывает о знаменитых приписках на полях Лицевых сводов эпохи царя Ивана Грозного и предлагает лучше, чем обсуждать спор об их возможном авторе,² послушать "о тех, кто эти книги создавал, а не перемарывал". Однако, именно это так называемое "перемарывание" имеет важнейшее значение: внесенный на поля царственной книги рассказ "о мятеже у царевой постели" в марте 1568 г. входит во многие учебники по истории СССР и до сих пор привлекает внимание источниковедов.

На стр. 81 Н.Н. Розов пишет: "На 85 известных списков "Повести о Савве Грудцыне" приходится всего пять о фроле Скобееве. Может быть, он, (т.е. Фрол Скобеев - Д.Б.) немного поспешил появиться в рукописной книжности, а вернее не вызвал особого сочувствия как представитель классов столь не популярного после Смутного времени".

1. См.: А.Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия. XVI века - ИОРЯС АН, т. V. СПб., 1900, кн. 3, стр. 824-876; В.Н. Щепкин. Лицевой сборник имп. Российского исторического музея. - ИОРЯС АН, т. IV. СПб., 1909, кн. 4, стр. 1345-1385.
2. См.: Д.Н. Альшиц. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? - ТОДРЛ, т. XVII. М.-Л., 1960, стр. 617-625; Н.Е. Андреев. Об авторе, приписки в лицевых сводах Грозного - ТОДРЛ, т. XVII. М.-Л., 1962, стр. 117-148.

не может с этим согласиться. Во-первых, потому, что это исторически не верно: весь XVII век проходит под знаком выдвижения дворянства на авансцену политической жизни, цари из дома Романовых опирались, в основном, на служилое дворянское сословие. — Во-вторых, Повесть о Фроле Скобеева известна не в 5, а в 9 списках, из которых 8 опубликованы,¹ а в XVII в. она была любимым чтением простого народа.

Сделанные нами замечания отнюдь не умаляют достоинства рецензируемой книги. Она читается легко, её сопровождают интересные иллюстрации — Изборник 1076 г., портрет И.А. Бычкова, книжные знаки соловецких библиофилов, прижизненный портрет Кирилла Белозерского, собственноручный рисунок протопопа Аввакума, портреты земщи из старообрядческого списка Апокалипсиса. К сожалению, в книге отсутствуют указатели и список условных сокращений, без которого для массового читателя таинственный остается криптограммой буквосочетания "ИОРЯС", "ТОДРА" и др.

Н.Н. Розову, вообще, удалось в самой общей форме, но на конкретных примерах дать массовому читателю представление об отдельных аспектах рукописной книжности Древней Руси. Его желание — возбудить интерес у читателя к нашим древним рукописям, можно только приветствовать.

---

1. Сведения см.: В.К. Бегунов. Тартуский список Повести о Фроле Скобееве. — Ученые записки Тартуского Государственного университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии, У. Тарту, 1962, стр. 364—375.